

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ ХІІ.

1893 г.

КІЕВЪ.

Гшиографія Г. Т. Марчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

БЕРДИЧЕВСКАЯ ЯРМАРКА.

(Изъ воспоминаній шляхтича, относящихся къ 1823 году) ¹⁾.

Приближалась осенняя, Козьмо-Демяновская ярмарка въ Бердичевѣ, отличавшаяся отъ лѣтней, Онуфріевской, лишь тѣмъ, что была короче послѣдней, и прїѣзжіе не глотали столько пыли, какъ въ іюнѣ, во время сильнѣйшихъ лѣтнихъ жаровъ; но съѣздъ былъ такъ же многолюденъ и столько же привозилось товаровъ, какъ и на св. Онуфрія, особливо если осень была благопріятна. Въ томъ году въ концѣ октября стояла прекрасная погода, дни были солнечные, почти лѣтніе. До того времени мнѣ не приходилось еще бывать въ Бердичевѣ, и я всю дорогу тѣшился мыслью, что увижу эту знаменитую и богатую столицу польскихъ евреевъ.

Прїѣхали мы въ городъ около 3-хъ часовъ по полудни, остановились на квартирѣ и, мучимые голодомъ, тотчасъ отправились въ ближайшій трактиръ, чтобы пообѣдать; но намъ сказали, что обѣдъ уже отошелъ; то же самое услышали мы въ другомъ и въ третьемъ трактирѣ. Оставался еще одинъ трактиръ, такъ называемый Познанскій, въ которомъ можно было

¹⁾ Настоящій очеркъ представляетъ вольный переводъ, или точнѣе, извлеченіе изъ довольно интересныхъ, но давно позабытыхъ мемуаровъ Подольскаго шляхтича Франциска Ковальскаго, воспитанника Винницкой гимназіи и затѣмъ Кременецкаго лицея. Они были изданы въ 1859 году въ Кіевѣ Леономъ Идзиковскимъ, подъ заглавіемъ: *Wspomnienia, pamiętnik Franciszka Kowalskiego*. Мы разсчитываемъ познакомить читателя и съ другими отрывками этихъ мемуаровъ, ближе касающимися прошедшей жизни нашего края.

имѣть обѣдъ во всякое время; но лишь только мы направились къ нему, къ намъ подбѣжалъ еврей-факторъ и съ тревогой въ лицѣ сталъ отговаривать, чтобы мы не ходили туда.

— Почему? спросили мы.

— Потому что страшно туда ходить.

— Какіе же тамъ страхи?

— А, вай! тамъ великіе страхи! Туда все паны боятся ходить, потому что въ томъ трактирѣ сидятъ одни гусары, что стоятъ въ Бердичевѣ; а то такіе галабурды—ай вай! Каждого зацѣпять, осмѣютъ, одурачатъ, обыграютъ на бильярдѣ, поколотятъ, вытолкаютъ. Я вамъ, ясные панове, не совѣтую ходить туда.

— Что же намъ дѣлать? Гдѣ же мы пообѣдаемъ?—обратился я къ своему спутнику пану Доливѣ.

— Пустое!—отвѣчалъ онъ.—Идемъ къ Познанскому. Гусары насъ не тронуть; мы расположимся гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, тихонько пообѣдаемъ и уйдемъ,—они насъ и не замѣтятъ.

Подходимъ къ прекрасному каменному зданію, близъ ратуши, и уже всходя по лѣстницѣ на верхъ, гдѣ былъ трактиръ, слышимъ крикъ, шумъ, смѣхъ и пѣніе. Отворяемъ дверь въ столовую и видимъ однихъ гусаровъ, которые, сидя за длиннымъ столомъ, ѣдятъ, пьютъ и шумятъ; было ихъ около двадцати человѣкъ. Незамѣченные ими, мы поскорѣе прячемся въ сосѣднюю комнату, гдѣ стоялъ бильярдъ, и скромно усаживаемся за маленькимъ столикомъ. Прислуживавшій намъ „хлопецъ“ оставилъ непритворенной дверь въ сосѣднюю залу, и мы могли наблюдать за тѣмъ, что тамъ происходило. Гусары оканчивали свое столованіе и должны были перейти затѣмъ въ нашу комнату, чтобы заняться уже до самой ночи бильярдной игрой; сообразивъ это, мы спѣшили поскорѣе утолить голодъ, чтобы заблаговременно убраться по-добру, по-здорову.

Въ то время, какъ мы расплачивались, шумъ и смѣхъ въ сосѣдней залѣ внезапно прекратился. Заглянувъ туда, мы увидѣли, что къ столу, за которымъ сидѣли гусары, подошелъ съ учтивымъ и покорнымъ видомъ какой-то шляхтичъ и обратился къ нимъ съ необыкновенно-почтительною рѣчью:

— „Прошу прощенія у вельможныхъ пановъ, что я дерзнулъ вступить въ ихъ благородное общество; но я только что пріѣхалъ, очень проголодался и смѣю надѣяться, что вельможные паны соблаговолятъ дать мнѣ мѣсто за столомъ, чтобы я могъ пообѣдать.

— Ха, ха, ха!—раздался взрывъ смѣха.

— Вельможный мосци-добродзѣй!—отозвался одинъ, видимо передразнивая его: просимъ, очень просимъ; вотъ мѣсто!

И они усадили между собою пріѣзжаго и, принявъ во вниманіе его смиренный и какъ-бы запуганный видъ, тотчасъ же подняли его на смѣхъ. Тотъ продолжалъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ, не обращая на ихъ насмѣшки никакого вниманія. Это равнодушіе лишь больше подзадоривало веселую компанію.

— Видно, вельможный мосци-добродзѣй три дня не ѣлъ!

И откуда вельможный мосци-добродзѣй выписалъ себѣ такіе зубы? Ха, ха, ха! А какіе глаза у вельможнаго мосци добродзѣя! Ха, ха, ха! А какія уши! А усы! Ха, ха, ха! И откуда вельможный мосци-добродзѣй добылъ такой перстень? Вѣрно, отъ коханки! Ха, ха, ха!

Такъ потѣшались надъ бѣднымъ „ярмарковичемъ“ удалые гусары, вырывали у него изъ рукъ стаканъ съ водой или рюмку съ виномъ; а онъ—ни слова, будто былъ нѣмой, и только спѣшилъ поскорѣе пообѣдать, чтобы уйти отъ насмѣшниковъ.

— Кто это такой?—спросилъ я своего спутника.

— Тсс!—остановилъ меня п. Долива: не говори такъ громко, чтобы не примѣтили насъ гг. гусары, а то и намъ отъ нихъ достанется. Я этого пана ярмаковича хорошо знаю.

— Любопытно, кто жъ это?

— Это Миколай Чайковскій изъ Каменца. Вотъ увидишь, какую онъ выкинетъ имъ штуку?

— Какую же штуку?

— Будь терпѣливъ—увидишь, какъ они съ лихвою заплатятъ ему за свои „жарты“. Останемся еще здѣсь, посмотримъ, что будетъ.

Насмѣшки продолжали сыпаться градомъ на бѣднаго ярмарковича, но онъ все молчалъ и только по окончаніи обѣда спросилъ хлопца: сколько съ него слѣдуетъ получить.

— Рубль серебромъ отвѣчалъ слуга.

— Но, мой коханный, я истратилъ въ дорогѣ всю мелочь и имѣю лишь ассигнаціи.—Говоря это, онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, развязалъ большую пачку сторублевыхъ ассигнацій и, подавая одну изъ нихъ слугѣ, спросилъ, можетъ-ли онъ дать сдачу.

— Со ста рублей?—изумился пловецъ.—Нѣтъ, нельзя!

— Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, ты сдашь мнѣ съ дуката?

— Съ дуката можно, отвѣчалъ слуга.

Тогда Чайковскій снялъ съ себя грубый кожаный *чересь* (поясъ), которымъ былъ опоясанъ, развязалъ одинъ конецъ и высыпалъ оттуда большую кучу золота. Вручивъ слугѣ одинъ дукатъ, онъ снова высыпалъ монеты въ чересь и опоясался имъ подъ своей чамарой. Все это онъ сдѣлалъ съ тѣмъ пугливымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно хуторяне развязываютъ свои кошель при чужихъ людяхъ.

У гусаря глаза загорѣлись при видѣ такого богатства, и они сразу же атаковали бѣднаго „ярмаковича“: окружили со всѣхъ сторонъ, схватили подъ руки и съ шумомъ потащили въ бильярдную комнату.

— Вельможные.... вельможные паны добродѣи! Паны добродѣи!—упрашивалъ ихъ испуганный Чайковскій: куда вы меня тащите?

— Сюда, сюда, вельможный мосци-добродѣю, въ сосѣдную комнату, къ бильярду!—кричали гусары.

— Къ бильярду? А на что мнѣ тотъ бильярдъ? Я уже вполнѣ сытъ и больше ѣсть не хочу.

— Ха, ха, ха!—раздался дружный взрывъ.—Вельможный мосци-добродѣй воображаетъ, что бильярдъ—это что-то съѣдобное! Ха, ха, ха!

— А, вѣрно, что-нибудь въ родѣ компота или конфитуръ (варенья); а я компотовъ и конфитуръ не ѣмъ, какъ и небожчикъ мой вуяшекъ (дядя).

— Ха, ха, ха! Нѣтъ, бильярдъ—это не компотъ и не конфитуръ: это—игра!

— Игра?—удивленно переспросилъ Чайковскій.—Въ самомъ дѣлѣ? Какая же это игра?

— А вотъ увидишь, мосци-добродзѣю! Это—хорошая игра. Ты легко ей научишься и будешь играть съ нами.

— Я буду играть съ вельможными панами добродзѣями?! И еще буду ей учиться?.. На что она мнѣ! Увольте меня, вельможные паны, у меня нѣтъ времени: я пріѣхалъ на ярмарку купить себѣ воловъ, коней и всего, что нужно въ хозяйствѣ, потому что я—бѣдный гречкосѣй. Мнѣ нужно поскорѣе справиться на ярмаркѣ, чтобы во время вернуться домой, гдѣ меня ожидаетъ жена; иначе она меня поколотитъ, ей-богу! и очень больно поколотитъ: то такая сварливая баба, настоящій Иродъ, гайдамака! ей-богу!

— Ха, ха, ха! громко заливались гусары; отпуская разные прибаутки по адресу жены Чайковскаго, которой у него никогда не бывало.

— Прощайте, прощайте, вельможные паны! Я долженъ итти!...—и съ этими словами Чайковскій порвался къ двери.

— Куда? куда?—закричали гусары и заступили дорогу.— Ты не уйдешь отъ насъ такъ: ты долженъ играть съ нами.

— Смилуйтесь, ясновельможные паны! Пустите душу на покаяніе!—чуть не плачетъ несчастный шляхтичъ. Но ему уже всунули въ руку кій, разложили шары на бильярдѣ, и одинъ изъ присутствующихъ поставилъ ставку.

— По чемъ же играть будемъ? спросили Чайковскаго.— Вѣдь это игра на деньги.

— Какъ на деньги?! вскричалъ бѣдняга, вытаращивъ отъ изумленія глаза.—Я, бѣдный гречкосѣй, никогда не играю на деньги, а только играю дома въ марьяжъ съ моимъ сосѣдомъ паномъ Бартломеємъ, когда онъ въ праздникъ заѣдетъ иногда ко мнѣ на своей дрындулкѣ, а въ другую игру не умѣю играть...

— Ха, ха, ха! То—марьяжъ, а то—бильярдъ! Въ бильярдную игру всегда нужно играть на деньги. Ну, по чемъ же станемъ играть, мосци-добродзѣю? Мы обыкновенно играемъ по сту рублей ассигнаціями.

— Матко Найсвѣнтша! По сту рублей ассигнаціями? Я полагалъ, что по три гроша!..

— По три гроша?.. Что же ты мосци-добродзѣю, смѣбешся надъ нами?

— Сохрани Боже, чтобы я дерзнулъ смѣяться надъ ясно-вельможными панами; но я никогда въ жизни не игралъ даже и по три гроша!..

Ну, а мы иначе не играемъ, какъ по сту рублей,—закричали всѣ.—Довольно, игра начинается!

Гусаринъ далъ выставку, и Чайковскій съ комической неловкостью ударилъ кіемъ! и далъ киксъ. Всѣ дружно размѣялись.

— Вельможные и коханные паны добродзѣи! Я не умѣю что дѣлать съ этимъ кіемъ—взмолился опять Чайковскій. Не хочу играть! Я пойду на ярмарку...

— Э, нѣтъ, вельможный мосци-добродзѣю, ты долженъ теперь играть, потому что партія начата.

Нечего было дѣлать; Чайковскій покорился своей печальной участи, и игра началась. Невозможно описать, сколько было шума, галаса и смѣха между присутствовавшими, пока продолжалась эта партія. Чайковскій съ такой забавной миной и съ такой неповоротливостью прицѣливался кіемъ, что морилъ со смѣху всѣхъ; нечего и говорить, что онъ дѣлалъ безпрестанные киксы, проигралъ партію и остался „на кіѣ“.

— На кіѣ, на кіѣ! ха-ха-ха!—кричали, всѣ награждая его аплодисментами.—Браво, вельможный мосци-добродзѣю! Полѣзай же подъ бильярдъ и плати двойную ставку.

— Что? какъ?—недоумѣвалъ Чайковскій. Что значить „на кіѣ“?

— Ха-ха-ха! Онъ ничего не понимаетъ! А это означаетъ вотъ что: кто въ партіи не сдѣлаетъ ни одного удара, тотъ остается „на кіѣ“ и обязанъ пролѣзть подъ бильярдомъ и заплатить двойную ставку; таково правило игры.

— Какъ то, вельможные паны? я обязанъ, какъ собака, лѣзть подъ бильярдъ и платить двойную ставку? Такое правило?

— Да, такое правило. Полѣзай же живо, вельможный мосци-добродзѣю, и положи въ лузу двѣсти рублей.

— Признаюсь, это—очень скверное правило!—печально промолвилъ Чайковскій и съ самымъ комическимъ видомъ по-

лѣзъ подъ бильярдъ, а вылѣзши оттуда, отряхнулся, сплюнулъ и проговорилъ:

— Чортъ бы побралъ такія конфитуръ (варенье)!—А позвольте спросить, вельможные паны,—добродушно обратился онъ къ гусарамъ: вы сказали, что кто останется на кіѣ, тотъ долженъ лѣзть подъ бильярдъ. Такъ ли я понялъ?

— Конечно, такъ.

— Честное слово?

— Честное слово. Таково правило игры.

— А еслибъ, примѣрно, кто-либо изъ вельможныхъ пановъ, храни Боже, остался на кіѣ,—и онъ также полѣзетъ подъ бильярдъ?

— Разумѣется!

— Честное слово?

— Честное слово.

— Это забавно! Я никогда не слыхалъ о такомъ правилѣ. А теперь, вельможные паны, смилуйтесь и отпустите меня. Пусть ужъ я пойду на ярмарку, а то жена преобольно меня поколотить; и лошади мои стоятъ на улицѣ и ждуть. Вѣдь я заплатилъ уже 200 рублей за эти проклятыя *конфитуръ* и долженъ буду передъ своей вѣдьмой дать отчетъ: что я скажу ей? Будьте здоровы, вельможные паны! Я долженъ непременно уйти. Благодарю за науку.—И онъ направился къ дверямъ.

— А еще со мной! еще со мной! Поставь разомъ двѣсти рублей, авось свои отыграешь!—кричатъ ему со всѣхъ сторонъ и хватаютъ за руки.

— Святой Боже! Двѣсти рублей? Не хочу, не хочу! Я иду!

И „Святой Боже“ не поможетъ—ты долженъ играть: вотъ я уже далъ выставку.

И Чайковскому снова всучили кіи и потащили его къ бильярду. Онъ отпрашивается, едва не плачетъ. Ничто не помогаетъ! Снова начали партію. Чайковскій съ тою же комическою неловкостью стучить кіемъ, но на этотъ разъ ему удалось сдѣлать два правильныхъ удара.

— Слава Богу!—радостно восклицаетъ онъ: по крайней мѣрѣ теперь не полѣзу подъ бильярдъ! Однако, смилуйтесь,

вельможные паны! Не могу больше! И такъ ужъ я заплатилъ 400 рублей, а тамъ ярмарка ждетъ и лошади на улицѣ.

— Что тамъ ярмарка? Ярмарка не уйдетъ! А вотъ вельможный мосци-добродзѣй со мной еще не игралъ. Ну-ка начнемъ маленькую партійку въ 400 рублей.

— Это Божье наказаніе! Пустите, панове, я не имѣю времени!—Но гусары заступили ему дорогу и потащили къ бильярду съ криками: Ты долженъ играть третью партію!

— По крайней мѣрѣ, научите меня, вельможные паны, какъ слѣдуетъ играть, потому что я чистый осель.

— Изволь, мосци-добродзѣю! Это очень не трудно: вотъ такъ держи кій, вотъ такъ бей.—И стали его учить. Онъ какъ послушнѣйшій неукъ, внимаетъ и пробуетъ.

За третьей партіей онъ сдѣлалъ уже 18 ударовъ, хотя и проигралъ 400 рублей; за четвертой—30, за пятой—50, а шестую онъ уже выигралъ,—и разомъ вернулъ всѣ свои проигрыши, такъ какъ всѣ партіи шли *quite va double*.

— А, слава Богу! вздохнулъ радостно Чайковскій: эта партія мнѣ какъ-то удалась. Теперь ужъ я вельможнымъ добродзѣямъ ничего не долженъ, ни они мнѣ; позвольте же теперь уйти.

— Нѣтъ, нѣтъ! вельможный мосци-добродзѣю!—закричали всѣ хоромъ: ты долженъ играть еще съ каждымъ, съ каждымъ!

— А то Божеское наказаніе!—жалобно завопилъ бѣднякъ, почесывая затылокъ.—Вельможные паны-добродзѣи, не принуждайте меня играть! Вотъ я при этихъ свидѣтеляхъ (а къ тому времени на шумъ забавнаго приключенія вся зала наполнилась любопытными зрителями) покорно прошу васъ: отпустите меня! Такъ я проиграюсь до рубашки, не съ чѣмъ будетъ идти и на ярмарку, а то пожалуй еще разъ заставьте меня лѣзть подъ бильярдъ!

— Конечно; если останешься на кію, обязательно полѣзешь.

— А если, сохрани Боже, кто либо изъ вельможныхъ пановъ останется? Онъ тоже полѣзетъ подъ бильярдъ?

— Натурально, полѣзетъ.

— Честное слово, вельможные паны?

— Честное слово, мосци-добродзѣю. Ну, играемъ. Вотъ я даю выставку.

Партія началась. Мой спутникъ толкаетъ меня и шепчетъ на ухо: „Теперь смотри: начинаются штуки“.

Осмѣянный, обыгранный, неповоротливый Чайковскій въ самомъ дѣлѣ началъ показывать настоящія „штуки“: въ одинъ пріемъ окончилъ партію и посадилъ противника на кій.

— Ахъ я осель! Что я сдѣлалъ!—съ испуганнымъ видомъ вскричалъ Чайковскій.—Сердечно прошу вельможнаго коханаго пана простить меня: это не болѣе, какъ несчастная случайность. Мнѣ очень прискорбно, что вельможному пану придется, по правиламъ игры, лѣзть подъ бильярдъ, какъ то было и со мною.

Гусары раскрыли рты отъ изумленія. Но дѣлать нечего: честное слово дано—путешествіе подъ бильярдомъ исполнено безъ прекословія, поставлена двойная ставка, и игра снова началась. Не прошло пяти минутъ, какъ другой бравый гусаринъ полѣзъ подъ бильярдъ. Всѣ приходятъ въ азартъ и на перебой другъ передъ другомъ удваиваютъ ставки. Чайковскій съ тѣми же забавно-неуклюжими пріемами съ каждымъ разомъ играетъ все лучше: дѣлаетъ дублеты, триплеты и клапштоссы, или же, оставаясь неподвижно на одномъ мѣстѣ, онъ какъ волшебникъ, заставляетъ свои шары возвращаться на тѣ пункты какіе ему желательны. Каждаго изъ противниковъ онъ, оставляя „на кій“, всякій разъ униженно предъ нимъ извиняется и тономъ самага почтительнаго участія приглашаетъ его подчиниться неумолимымъ правиламъ игры и совершить прогулку подъ бильярдомъ. Кончилось тѣмъ, что онъ обыгралъ всѣхъ до чиста и положилъ въ карманъ около двадцати тысячъ рублей.

Опорожнивъ всѣмъ карманы, онъ учтиво поблагодарилъ за науку.

— Какъ же я сердечно благодаренъ вельможнымъ, коханнымъ и ласковымъ панамъ, что они соизволили меня, бѣднаго ярмарковича, научить игрѣ на этомъ бильярдѣ! Въ самомъ дѣлѣ, кака я прекрасная и легкая игра! А я, простакъ, полагалъ прежде, что бильярдъ—это какія-то конфитурѣ!...

Если вельможные паны позволяют, я приѣду завтра еще поучиться у вельможныхъ пановъ и засвидѣтельствовать имъ мою глубочайшую сердечную благодарность за науку.

— Нечего насъ благодарить: ты самъ далъ намъ добрую науку—обыгралъ всѣхъ до чиста.

— Ахъ, я убѣдительнѣйше умоляю вельможныхъ и коханныхъ пановъ извинить меня: это—не болѣе, какъ слѣпая случайность.

Онъ простился самымъ учтивымъ образомъ и вышелъ съ низкими поклонами. Мы едва удерживались отъ смѣха и поспѣшили за нимъ. Мой спутникъ представилъ меня Чайковскому, и это было первое мое знакомство на ярмаркѣ, тѣмъ болѣе пріятное, что подобнаго бильярдиста мнѣ никогда еще не приходилось видѣть, да едва ли и есть другой, ему подобный.

— Ну, панъ, ты хорошо проучилъ ихъ!—замѣтилъ со смѣхомъ мой спутникъ.

— А что-жь! скромно отвѣтилъ Чайковскій: они сами меня научили, а я, какъ понятливый ребенокъ, такъ быстро научился, что имъ же оказалъ маленькую услугу: облегчилъ имъ карманы. Теперь имъ легче будетъ гонять по городу и чинить „галабурды“.

— А мы съ такимъ захватывающимъ интересомъ смотрѣли на игру, какъ будто предъ нами шло представленіе лучшей пьесы Шекспира или Шиллера.

— Что же Шекспиръ и Шиллеръ! Они артисты въ своемъ родѣ, а я въ своемъ. Шекспиръ и Шиллеръ назвали бы меня осломъ по сравненію съ собой; а я несомнѣнно посадилъ бы ихъ на кій, какъ тѣхъ вельможныхъ и коханныхъ пановъ добродѣевъ, которые теперь навѣрное находятся не въ авантажѣ.

Мы посмѣялись еще и простились съ паномъ Чайковскимъ.
